

**ВЯЧЕСЛАВ
КУРИЦЫН**

*Букер 2000
Часть - С.7.*

Массовое может быть культурным

Борис Акунин раздумывает, не оставить ли читателя без Эраста Фандорина, Леонид Юзефович возвращает на сцену Ивана Путилина, Александр Бушков представляет Алексея Бестужева

Глянцевые журналы переполнены интервью с беллетристом Борисом Акуниным, на всех лотках выстроены собрания его романов, каждая новая его книга собирает море рецензий. Издатели рвут модного автора на части. Писатель (под именем Акунина уже не скрываетсь переводчик и историк Григорий Чхартишвили: свой псевдоним он раскрыл осенью) их ожидания оправдывает — сочиняет необыкновенно много. На данный момент существует семь романов серии об Эрасте Фандорине, — стильные детективы из конца девятнадцатого столетия (издательство «Захаров»), первый роман серии «Пропинциальный детектив» из той же эпохи, в которой роль сыщика доверена монахине (издательство «АСТ»), сборник рассказов «Сказки для Идиотов» (сувенирная книжка издательства «ГИФ») и пьеса «Чайка» («Новый мир», №4, 2000), а также договоренность писателя с одним крупным издательством о третьей серии романов — на сей раз из современной жизни. Сочинения псевдонима регулярно выдвигаются на все литературные премии, но не получают их и даже в шорт-листы не попадают: члены жюри, воспитанные, как правило, на Литературе Больших Идей, относятся к ним как к дешевому бульварному чтыву. С другой стороны, наиболее фанатичные поклонники акунинской клавиатуры именуют его чуть ли не нашим Умберто Эко.

Задача газетного обозревателя — измыслить уравновешивающую истину. Конечно, на Эко и на других авторов знаменитых постмодернистских «слоенных пирогов», в которых бульварный сюжет чередовался бы с высоким интеллектуализмом, Акунин не похож. Никаких философских отступлений, вставных искусствоведческих трактатов — только улики, драки, погони. Сделано великолепно — с коллекциями ложных финалов, с маскарадами и прочими чертами из табакерки. Банда гомосексуалистов крадет младенца из Императорского дома — как вам это нравится? Напряженная фабула + буйство фантазии, что еще нужно для хорошего криминального чтыви? Акунинское — очень хорошее. Чхартишвили обмолвился в одном интервью, что нужно было бы взять псевдоним не Б. Акунин, а Л. Акунин. Заполняющий лакуну. Идея в том, что Великая Русская Литература была немножко чересчур Великой и не породила качественной массовой беллетристики, развлечки. То есть был, конечно, с одной стороны, Крестовский с «Петербургскими тайнами», а с другой — Ильф и Петров с «Золотым теленком». Но Крестовский все же «второй сорт» в сравнении с Достоевским, а «Золотой теленок» все же не плутовской роман, а фельетон в упаковке плутовского романа. Не было или почти не было у нас выдающегося автора профессиональных коммерческих текстов без сверхпретензии. Вот и появился Акунин — автор уровня Конан Дойла, Дюма, Агаты Кристи. Социологическая его роль неоценима: он возвращает литературе пользователя, который, казалось бы, прочно ушел в кинотеатры и Интернет. Вот подлинная цитата из письма одной читательницы: «Он какой-то целый культурный сдвиг произвел — поднял статус литературы. А то я и мысли не допускала раньше о том, что читать — это круто, и не читала книг много лет...»

Правы, однако, и те, кто ищет в Акунине «что-то большее». Дело в том, что хорошему приключению — помимо «экшн» — нужен еще и продаваемый фон. Туманный Лондон и рыжие пустоши, на которых лает невидимая, но очень большая собака, все эти полугатальные викторианские декорации Конан Дойла, — это товар. Покупая Жюля Верна, читатель платит не только за собственно приключения, но и за любопытные сведения о каких-нибудь туземных племенах. У Акунина коммерческий фон — русская литература. Нет, книги вовсе не набиты аллюзиями, вовсе не сборники шарад «откуда какая цитата?». Но пейзажи и лица, фабульные повороты и отдельные сцены часто представляются залегевшими из Достоевского или Тургенева. Мир, который воссоздает Акунин, знак не по учебнику истории (у нас нет внятного и содержательного исторического сознания; не существует ни одной авторитетной исторической концепции), а по учебнику русской литературы. Писатель словно отвечает на вопрос, прозвучавший в «Пушкинском

доме» А. Битова: можно ли жить в музее, в кругу смыслов классической культуры, которая для россиян второй половины двадцатого века — другая цивилизация? У Битова «жизнь в музее» превращалась в нравственное испытание, у концептуалистов она стала «игрой в бисер», парадом симулякров, а Акунин трезво использовал ее коммерческий потенциал. Романы его читать уютно, в русской литературе ты чувствуешь себя как дома. Ты знаешь этот контекст со школы.

Есть в романах Акунина, однако, и незнакомое: тип главного героя. Фандорин — не «мент», не частный детектив, не маньяк — любитель головоломок, а, как это принято нынче говорить, буржуазный человек, который превыше всего ставит частные ценности, права личности. Герой, которого реально не хватает текущей русской жизни и всегда не хватало русской литературе. Удивительное дело — такого же типа героя, помещенного в ту же эпоху! — мы вдруг встречаем в новом романе красноярца Александра Бушкова, многотиражного автора крутых новорусских боевиков. Алексею Бестужеву, молодому полицейскому чиновнику из романа «Дикое золото» (издательство «ОЛМА»), далеко до Фандорина с его увлечениями японской культурой и даром выигрывать любые пари, но конфликт, в который он вступает, расследуя грабежи золотых обозов в сибирской тайге, повторяет метаконфликт всего фандоринского цикла. Частный человек противостоит удалому буйному купечеству и хватке старых волков-чиновников. А ведь в предыдущих романах Бушкова — про Бешеную да про Пиранью — именно удалство и хватка были предметами любования. Что-то хорошее произошло, если в главные герои глянцевых книг постепенно выбиваются приличные люди...

Бестужев терпит поражение в схватке с «системой», бежит из дикого края в Москву, но на последней странице испрашивает у Столыпина должность в Сибири и возвращается на свое «место силы»: надеясь, и для того, чтобы вернуться на страницы следующего романа. Тем более что новая встреча читателя с Фандориным может затянуться: Акунин устал, написав семь книг одна другой лучше, счел рукопись нового романа неудачной, и, похоже, ему интереснее сейчас сосредоточиться на двух новых сериях.

Между тем к нам вернулся еще один русский сыщик из прошлого столетия. Леонид Юзефович, автор многочисленных повестей о похождениях Ивана Дмитриевича Путилина, поместил в журнале «Дружба народов» (№ 1 и 2) роман «Князь ветра». Он изрядно отличается от старых путинских приключений. Раньше это были классические детективы — без больших стилистических ухищрений и, признаться, без особого драйва (способность к которому Леонид продемонстрировал в романе «Самодержец пустыни», посвященном барону Унгерну, — лучшем, до «Князя», своем сочинении). В новом романе много игры с «текстами в тексте», принадлежащими сразу нескольким писателям — один помогает сочинять пенсионеру Путилину мемуары, второй пишет плохие повести про путинские похождения и погибает, случайно разорив вымыслом реальное осинное преступное гнездо, третий ведет эзотерический дневник в жанре «паломничества на Восток», четвертый — это И. С. Тургенев, которому Путилин приписывал авторство текстов писателя номер два... В общем, типичный постмодернистский «слоеный пирог», выпеченный легким и бодрым слогом. И даже сам Путилин, словно бы соответствуя выросшему уровню текста, как-то оккультуривается, оставляя в прошлом образ плохо отесанного служаки. Как раз в эти дни заканчивается выдвижение на Букеровскую премию-2000, и известно, что сразу несколько номинаторов предпочли «Князя ветра». Я не удивлюсь, если букеровское жюри впустит роман в финал: радикальный акунинский прорыв оно оценить не готово, но чтобы обратить взор на «масскульт» (конечно, проложенный «умным» слоем!), созрело вполне.

*Современная литература
с Курицыным:
www.guelman.ru/slava*